

НИЖЕГОРОДСКІЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Цѣна Ниж. Церк.-Общ. Вѣстника: годовая 5 руб., полугодовая 3 руб., за 1 мѣс. 50 коп., съ доставкой и пересылкой; за отдѣльный № — 15 коп.

Цѣна за помѣщеніе объявленій—по особому соглашенію.

Подписка принимается въ конторѣ Редакціи при Домѣ Братства Св. Георгія. Контора открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 1 ч. до 2 ч. по-полудни и отъ 7 до 8 ч. веч.

Для личныхъ объясненій съ редакторомъ пріемъ ежедневно отъ 2 до 3 ч. по-полудни, въ квартирѣ редактора (Б. Солдатская, д. № 18).

№ 3-й.

Доставленныя въ Редакцію рукописи подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ Редакціи 6 мѣсяцевъ, а затѣмъ могутъ быть подвергнуты уничтоженію, мелкія-же изъ нихъ уничтожаются немедленно.

Письменные объясненія по поводу корреспонденцій и статей, неудобныхъ къ печати, для Редакціи не обязательны.

Рукописи, доставляемыя безъ обозначенія условій, поступаютъ въ полное распоряженіе Редакціи.

СОДЕРЖАНІЕ. Русское революціонное движеніе.—Хроника мѣстной епархіальной и общей церковной жизни.—Изъ общественной жизни.—Изъ періодической печати.—Телеграфныя извѣстія.

Русское революціонное движеніе.

Что за явленіе представляетъ собою русское революціонное движеніе? Во всякомъ случаѣ оно не „за-морскаго“ происхожденія. Это явленіе — наше, доморощенное, только выступающее подъ фирмой того или другого возрѣнія, принесеннаго къ намъ съ запада.

Въ свое время это движеніе описалъ Ф. М. Достоевскій въ своемъ романѣ „Бѣсы“, взявши къ нему однимъ изъ эпиграфовъ слѣдующіе стихи изъ извѣстнаго стихотворенія Пушкина „Бѣсы“:

Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водить, видно,
Да кружить по сторонамъ.

Сколько ихъ, куда ихъ гонять,
Что такъ жалобно поютъ?
Домового-ли хоронять,
Вѣдьму-ль замужь выдають?

И самое названіе романа, и эпиграфъ къ нему показываютъ, какое впечатлѣніе оставило въ душѣ Достоевскаго современное ему революціонное движеніе. Великій психологъ, онъ увидѣлъ въ немъ нѣчто стихійное, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто хаотическое, болѣзненное. Оно чуждо разума и здраваго смысла; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно какъ будто разсуждаетъ, пытается потянуться въ опредѣленныя формы мысли, оно носитъ характеръ чего то неспокойнаго, тревожнаго, не дающаго себѣ совершенно отчета, куда и къ чему оно направляется. Оно пытается только неопредѣленнымъ настроеніемъ, растетъ стихійно съ нимъ и, какъ всякое не регулируемое сознаниемъ настроеніе, наконецъ разряжается бурнымъ аффектомъ, разряжается дико, безмысленно, повергая наблюдателя въ страш-

ное недоумѣніе: что все это значить? И предъ нимъ встаетъ одинъ образъ — „бѣсы“.

Не тоже-ли впечатлѣніе оставляетъ и современное революціонное движеніе? Оно лишь выросло, выступило въ болѣе крупныхъ размѣрахъ, но остается по-прежнему съ тѣмъ-же характеромъ хаотическаго, болѣзненнаго явленія. Чувствуется, что за нимъ стоитъ не здоровая народная душа, несущая съ собою цѣнные зародыши будущаго, а душа изломанная, исковерканная, въ которой нѣтъ ничего устойчиваго и прочнаго, которая дышитъ лишь одной жаждой разрушенія. Въ чемъ въ самомъ дѣлѣ проявился творческій характеръ этого движенія? Что оно принесло новаго, оригинальнаго, свѣжаго? Ни мотива, ни цѣни, которая бы выражала чаяніе и надежды народной души. Нѣтъ даже живого, искрометнаго остроумія. Разверните сатирическія революціонныя изданія, и васъ всецѣло охватитъ тяжкое, гнетущее настроеніе, какъ отъ страшнаго кошмара. Вы увидите не молодую, бодрую, смѣющуюся жизнь, быстро затягивающую всѣ раны, а одну сочащуюся кровавую язву. Все такимъ образомъ или заимствовано, взято напрокатъ или крайне нервно, кошмарно. А, вѣдь, ни долгами, ни нервозностью вѣчно прожить нельзя. Но объ этомъ совершенно не думается.

Русское революціонное движеніе анархично по своей природѣ. Анархизмъ — это человѣкъ или совершенно безъ идеала, съ одной ненавистью къ существующему строю жизни, или съ такимъ неяснымъ и туманнымъ идеаломъ, что онъ, какъ неуловимая греза, не даетъ возможности разуму человѣка выяснить условія, необходимыя для осуществленія его въ средѣ дѣйствительной жизни. Онъ проносится въ сознаниіи человѣка, но такъ быстро, что послѣдній не успѣваетъ

уловить тѣхъ связей, которыя могутъ соединять его съ ходомъ дѣйствительной жизни. Поэтому у человѣка въ его погонѣ за нимъ разумъ смолкаетъ, человѣкъ не видитъ того, что предъ нимъ находится, отдается во власть одного слѣпого чувства и дѣйствуетъ, не давая себѣ совершенно отчета, какъ и при какихъ положительныхъ условіяхъ его идеалъ можетъ найти себѣ осуществленіе въ жизни.

Съ такимъ именно характеромъ и выступаетъ русское революціонное движеніе.

Правда, это движеніе выступаетъ подъ флагомъ социаль-демократическаго ученія; но послѣднее въ дѣйствительности играетъ роль только вывѣски, не болѣе.

Социаль-демократическое ученіе въ томъ видѣ, какой оно имѣетъ въ трудахъ Маркса и Энгельса, и въ какомъ выступаетъ на западѣ, стремится усиленно оградиться отъ анархизма. Западный социаль-демократъ тѣмъ и отличается отъ анархиста, что онъ видитъ ту связь, которая соединяетъ его идеалъ (социалистическій строй общества) съ современной дѣйствительностью. Поэтому онъ стремится лишь къ тому, чтобы, воздействуя на этотъ строй, мирно содѣйствовать его переходу въ новую форму. Послѣдняя для него уже имѣетъ свои корни въ настоящемъ строѣ жизни, а не является по отношенію къ нему чѣмъ-то совершенно постороннимъ. Поэтому для него первымъ и послѣднимъ правиломъ служитъ „имѣя въ виду идеалъ, сохранять полное сознаніе и не поддаваться слѣпому увлеченію“. Въ своей рѣчи по поводу убійства австрійской императрицы Бебель. (Бебель. „Покушенія и социаль-демократія“. Перев. Френа. Одесса. 1905), напр., энергично отвергаетъ всякое прикосновеніе германской социаль-демократіи къ анархистамъ. Во всѣхъ культурныхъ странахъ, говоритъ онъ, социаль-демократы и анархисты страшно враждуютъ другъ съ другомъ. Анархія пошла отъ Прудона, Штирнера и Бакунина, а социаль-демократія отъ Маркса, Энгельса и Лассаля, составлявшихъ самую рѣзкую противоположность первымъ. И дѣйствительно, нельзя не видѣть этой противоположности. У анархиста одна мысль—разрушить, социаль-же демократъ стремится коренящимся въ современной жизни зачаткамъ будущаго строя общества дать необходимые для его расцвѣта воздухъ и свѣтъ (Правильно-ли въ этомъ дѣлѣ поступаетъ социаль-демократія, мы объ этомъ въ настоящее время не говоримъ). Въ 1842 г. Бакунинъ, этотъ типичнѣйшій анархистъ и, вмѣстѣ, русскій революціонеръ, писалъ въ нѣсколькихъ своихъ письмахъ къ Арнольду Руги, издателю журнала революціонной германской партіи „Deutsche Jahrbücher“, что „die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust“ (сладость разрушенія есть сладость творчества).

Если теперь обратить вниманіе на тѣ формы, въ которыя выдѣлилось современное революціонное движеніе, то можно безъ труда замѣтить, что въ немъ живетъ въ дѣйствительности духъ Бакунина, а никакъ не Маркса или Бебеля.

Въ „Голосѣ жизни“ (№№ 10—14 1905) было помѣщено описаніе социалистическаго партейтага въ Гейнѣ. Обсуждался вопросъ: чѣмъ можетъ отвѣтить пролетаріатъ, если правящіе классы общества вздумаютъ отнять всеобщее, прямое и тайное избирательное право?

Это право въ Германіи уже дѣйствуетъ, и имъ имѣющая социаль-демократія воспользовалась очень умно: ея голоса въ настоящее время возросли до трехъ миллионовъ, въ рейхстагѣ она имѣетъ 51 депутата. На это право поэтому германская социаль-демократія смотритъ, какъ на единственное средство, которымъ располагаетъ пролетаріатъ въ политической борьбѣ. Между тѣмъ, какъ осторожно и вдумчиво разбирался вопросъ о всеобщей политической забастовкѣ, какъ о томъ средствѣ, которымъ можетъ воспользоваться пролетаріатъ, чтобы отстоять всеобщее, прямое и тайное голосованіе! Бебель, — тотъ Бебель, о которомъ Гейне (одинъ изъ участниковъ партейтага) отозвался, какъ о „легкомысленномъ юношѣ, которому не дорога кровь народа, — говорилъ: „величайшая ошибка, когда говорятъ, что социаль-демократы работаютъ съ цѣлю вызвать революцію. Намъ и въ голову это не приходитъ; какой интересъ для насъ стремиться къ катастрофамъ, отъ которыхъ въ первую очередь тяжело пострадаютъ рабочіе? Взгляните сейчасъ на Россію...“ (точка въ полнѣникѣ. Развивалъ-ли далѣе Бебель свою мысль о тактикѣ русской социаль-демократіи, и составитель отчета намѣренно опустилъ эту часть рѣчи, поставивъ точку или нѣтъ, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ мысль ясна). Переходя затѣмъ къ критикѣ всеобщей политической забастовки, какъ единственнаго средства къ достиженію цѣли рабочаго класса, Бебель говорилъ: „анархисты (анархо-социалисты томъ) думаютъ, что достаточно провозглашенія генеральной стачки, и вся экономическая и политическая жизнь страны пріостанавливается. Тогда стачка разоружаетъ армию, заводитъ 8-часовой рабочий день и т. д. и т. д., словомъ, общество по могучимъ снамамъ стачечниковъ переходитъ изъ царства необходимости въ царство свободного труда. Государство исчезаетъ, какъ будто, — замѣчаетъ ораторъ, — оно будетъ заниматься спокойнымъ наблюденіемъ своего исчезновенія“. Интернаціональный конгрессъ въ Цюрихѣ въ 1893 г. рѣшилъ, что всеобщая политическая стачка возможна при соответствующей высотѣ политическихъ и профессиональныхъ организацій пролетаріата данной страны. Конгрессъ въ Парижѣ (1900 г.), подтверждая это рѣшеніе, добавлялъ, что при отсутствіи такихъ сплоченныхъ и организованныхъ массъ пролетаріата всеобщая стачка сыграла бы лишь на руку буржуазіи. Ниодинъ изъ интернаціональныхъ социалистическихъ конгрессовъ не видѣлъ въ стачкѣ панацеи отъ всѣхъ золъ и считалъ ее лишь однимъ изъ рѣшительныхъ методовъ борьбы за то или иное требованіе пролетаріата“. Соглашались затѣмъ на всеобщую забастовку лишь въ случаѣ крайней необходимости, Бебель говорилъ: тогда „мы сважемъ имсамъ: теперь нѣтъ другого выхода, теперь надо вступить въ борьбу... И затѣмъ: мы не боремся во имя утопій, мы не стремимся, — потому что это утопія, — однимъ ударомъ, подобно анархистамъ, ввести социалистическое государство. Мы боремся за вполне реальныя жизненныя потребности, необходимыя рабочему классу, если онъ еще желаетъ политически жить и дышать“.

Вотъ какъ разсуждалъ „легкомысленный юноша“ Бебель!

Если бы этотъ юноша, Бебель, явился къ намъ въ Россію и обратился съ рѣчью къ нашимъ социаль-де-

мократамъ (по газетнымъ извѣстіямъ онъ даже совѣтывалъ имъ удовлетвориться Булыгинской Думой), какимъ бы дряхлымъ старцемъ показался онъ имъ! Наши социаль-демократы именно и мечтали о томъ, чтобы однимъ ударомъ, въ одну прекрасную ночь перейти въ „обътованный рай социализма“. У насъ не было никакого опыта въ избирательномъ правѣ. Наши социаль-демократы поэтому не имѣли никакихъ основаній предполагать навѣрное, что всеобщее, прямое голосованіе сдѣлаетъ могущественной ихъ партію. Вдумчивые люди, напротивъ, утверждали, что такое голосованіе—вещь очень опасная для народа, стоящаго въ отношеніи просвѣщенія на низкой ступени. Вотъ, напр., что писалъ по этому поводу въ „Новостяхъ“ П. Безобразовъ: „Наши прогрессивныя партіи давно уже требуютъ всеобщаго избирательнаго права, и требованіе это превратилось въ шаблонъ, противъ котораго никто не рѣшается возражать. Въ теоріи нечего возражать, но что вышло бы изъ всеобщаго избирательнаго права на практикѣ, неизвѣстно.“

Мы знаемъ, что многіе помѣщики относятся очень равнодушно къ земству и своимъ избирательнымъ правомъ не пользуются. Мы знаемъ, что гласные часто не являются въ земскія собранія. Повторится-ли это явленіе при выборахъ въ Государственную Думу?

Мы знаемъ, что для земскихъ выборовъ часто подкупали крестьянъ.

Кто бывалъ въ юго-западномъ краѣ, видѣлъ толпу дикихъ малороссовъ, почти сплошь безграмотныхъ. Въ нашемъ отечествѣ есть еще болѣе дикіе люди, самоѣды, якуты, киргизы.

Что дѣлали-бы въ парламентѣ депутаты, не умѣющие подписать своей фамиліи?...

Всеобщее избирательное право пригодно только въ очень культурныхъ странахъ, и даже въ Бельгіи, благодаря этому всеобщему избирательному праву, парламентъ не можетъ отдѣлаться отъ консервативнаго большинства.

Съ точки зрѣнія истиннаго либерализма всеобщее избирательное право представляется опаснымъ опытомъ въ Россіи, гдѣ такъ называемая черная сотня имѣетъ множество представителей“.

Между тѣмъ наши социаль-демократы требовали именно всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Съ этой цѣлю они забастовку объявляли за забастовкой.

Нашъ народъ свято чтитъ Царя. Съ этимъ именемъ у него соединяется представленіе о порядкѣ и законности. Между тѣмъ социаль-демократы стремились къ социаль-демократической республикѣ. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ своей резолюціей 18 октября оповѣщалъ, что „борющійся революціонный пролетаріатъ не сложитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не будетъ установлена социаль-демократическая республика, наилучшій путь для дальнѣйшей борьбы пролетаріата за социализмъ“. Немудрено, что такія резолюціи побуждали массы рабочихъ идти еще далѣе.

Въ Ярославлѣ, напр., на фабрику г. Корзинкина, гдѣ до 15 тысячъ рабочихъ, явились 600 вооруженныхъ товарищей, завладѣли фабрикой и объявили ее „пролетарской собственностью“. Какъ будто только стоитъ объявить ту или другую фабрику пролетарской

собственностью, и все дѣло сдѣлано. Социаль-демократическое ученіе у насъ преимущественно вербовало себя послѣдователей лишь той своей частью, гдѣ содержатся мечты о будущемъ социалистическомъ обществѣ. Оно плѣняло у насъ главнымъ образомъ своими обѣщаніями принести людямъ миръ и счастье—5-ти: или даже 3-хчасовой рабочей день, свѣтлое, просторное, комфортабельно устроенное помѣщеніе и т. д. и т. д. Между тѣмъ его теоретическая часть, которая собственно и содержитъ указанія для практики социаль-демократической партіи, у насъ усвоивалась плохо.

Это вполне естественно. Кто составляетъ у насъ главный контингентъ социаль-демократіи? Такія лица, которыя по чисто психологическимъ основаніямъ способны устремить все свое вниманіе на радужное будущее социализма, оставляя теорію социаль-демократическаго ученія въ сторонѣ, какъ слишкомъ длинную, утомительную и скучную исторію. Социаль-демократами у насъ являются преимущественно или наша учащаяся молодежь, или молодежь фабрично-заводская.

Молодость—чудное время! Это несомнѣнно; но несомнѣнно также и то что идеалы, лелѣемые юношескимъ сердцемъ, напоминаютъ скорѣе неувимыя, туманныя грезы, чѣмъ дѣйствительные идеалы. Утопизмъ и мечтательность—необходимый спутникъ молодости. Учащіеся юноши, „слабые знаніемъ жизни и исторіи,—справедливо замѣчаетъ Я. К—ій въ своей статьѣ „Заговоръ противъ русскихъ“ („Новое Время“, № 10685)—своимъ энтузіазмомъ ограждены, какъ китайской стѣной, отъ сомнѣній въ торжествѣ самыхъ несбыточныхъ утопій.

Другой, еще болѣе многочисленный контингентъ революціонной арміи—молодежь фабрично-заводская, очень мало и очень немногую учившаяся на мѣдный грошъ и наскоро проходившая курсъ политическихъ наукъ на митингахъ и на популярныхъ лекціяхъ „товарищей“-студентовъ. Это—главная боевая сила революціи. Въ какомъ видѣ ей представляется демократическая или социаль-демократическая республика, объ этомъ не трудно догадаться по тѣмъ грошовымъ брошюркамъ, которыя спеціально для нея фабриковались, какъ блины, а частью переводились съ иностранныхъ языковъ. Не подлежитъ, во всякомъ случаѣ, сомнѣнію, что эти рядовые революціонной арміи очень плохо разбираются въ политическихъ вопросахъ, для рѣшенія которыхъ они предназначены служить пушечнымъ мясомъ, но ихъ воспаленное воображеніе рисуетъ имъ въ будущей республикѣ медовыя рѣки въ кисельныхъ берегахъ, въ видѣ легкой работы на готовыхъ и сытыхъ хлѣбахъ, если не въ аллюминіевыхъ дворцахъ, то въ уютныхъ и теплыхъ „фатерахъ“, съ казенной пенсіей подъ старость и со всевозможными пріятностями жизни, какъ-то: клубы, митинги, депутатскія полномочія въ роли „господствующаго“ класса и т. д.“

Мудрено-ли поэтому, что мысль такихъ социаль-демократовъ всецѣло сосредоточивалась на будущемъ и оставляла въ сторонѣ дѣйствительную жизнь. Последняя рисовалась имъ въ видѣ среды, которая только отрицаетъ ихъ утопію. Влѣдствіе этого, естественно, социаль-демократическое ученіе о классовой борьбѣ въ ихъ усвоеніи восприняло черты настоящаго анархизма. Наши социаль-демократы стремились только къ разрушенію, ихъ сжигало желаніе видѣть около себя раз-

ваины. Мысль же о томъ, какъ заиграетъ около этой великой гробницы новая молодая жизнь, да и заиграетъ-ли она, ихъ сознание не тревожила.

Стоитъ вспомнить ту радость, съ какой социаль-демократическія газеты привѣтствовали наступающій будто бы финансовый крахъ нашего государства, чтобы воочию видѣть, что въ дѣйствительности надъ нашей социаль-демократіей виталъ духъ не Маркса, а Бакунина, того Бакунина, который въ 1862 году является въ Стокгольмѣ, чтобы поддержать предполагавшуюся морскую экспедицію къ русскимъ берегамъ Балтійскаго моря!

Такимъ образомъ наше революціонное движеніе напрасно прикрывается Марксомъ и Энгельсомъ. Въ дѣйствительности оно представляетъ изъ себя чистый анархизмъ. Но послѣдній—явленіе, несомнѣнно, болѣзненное. Вотъ почему неудивительно, что наше революціонное движеніе появляется въ моментъ тяжелыхъ испытаній нашей родины, растетъ стихійно, пользуясь временнымъ пониженіемъ народнаго сознанія, и разрѣшается дико и бессмысленно, заставляя народъ проснуться, какъ отъ тяжелаго кошмара.

Но какой источникъ у насъ этого анархизма? Почему мы, русскіе, усваивая западно-европейскія воззрѣнія, тѣ воззрѣнія, которыя на своей родинѣ какъ-разъ стремятся предоставить верховенство разуму и сознанію (какъ, напр., въ прежнее время естественно-научный матеріализмъ, или въ настоящее время социаль-демократическое ученіе) и которыя тамъ тотчасъ погибаютъ, какъ скоро уясняется, что въ дѣйствительности они не даютъ простора разуму (какъ, напр., случилось съ матеріализмомъ),—отмѣчаютъ въ нихъ тѣ именно черты, которыя какъ-разъ и не заставляютъ работать разумъ и пробуждаютъ одно только слѣпое чувство?

Объ этомъ мы поговоримъ когда-нибудь въ слѣдующій разъ. Теперь же только замѣтимъ, что это стоитъ въ связи съ общими условіями нашего культурнаго развитія и объясняется ими. Анархизмъ—не чуждое намъ явленіе, оно наше. Западно-европейскіе писатели отмѣчаютъ это явленіе, называя его, какъ то дѣлаетъ, напр., Ницше, „петербургскимъ нигилизмомъ“.

Н.

Хроника мѣстной епархіальной и общей церковной жизни.

I.

Архіерейское богослуженіе. Въ воскресенье, 15-го января, Его Преосвященство Преосвященнѣйшій Назарій, Епископъ нижегородскій и арзамасскій, совершалъ литургію въ Крестовой церкви.

Отъѣздъ Его Преосвященства. 24 или 25 января Преосвященнѣйшій Назарій отбываетъ изъ Н.-Новгорода въ г. Казань на хиротонію архим. Митрофана (Симашкевича), ректора донской д. семинаріи, назначеннаго епископомъ чебоксарскимъ, викаріемъ казанской епархіи.

Архимандритъ Митрофанъ хорошо извѣстенъ въ ученomъ мѣрѣ. Онъ окончилъ с.-петербургскую дух. академію въ 1871 году, ректорствуетъ съ 1877 года

(въ донской семинаріи съ 1884 г.), постригенъ въ монашество въ 1904 году.

Чтеніе въ домѣ Братства Св. Георгія. Въ воскресенье, 15 января, послѣ продолжительнаго перерыва возобновились чтенія въ домѣ Братства Св. Георгія. Священникъ Петръ Ал. Альбицкій поздравляетъ слушателей съ автобіографическимъ разсказомъ бывшего полковника гвардіи и лютеранина, а нынѣ православнаго священника, П. С. Тидебеля. („Какъ я нашелъ истинную церковь“).

Г. Тидебель не удовлетворался современнымъ протестантизмомъ,—въ его ученіи онъ видѣлъ сухость и отвлеченность, въ пѣснопѣніяхъ сентиментальность, въ пастырствѣ—упражненіе въ краснорѣчіи. Въ особенности его поразило уничтоженіе таинства елеосвященія, о которомъ ясно говоритъ ап. Іаковъ. Не удовлетворило г. Тидебеля и отсутствіе обрядности въ лютеранскомъ богослуженіи. Онъ сталъ заимствовать обычаямъ православныхъ и католиковъ. Съ отрицательнымъ чувствомъ онъ возвращался съ своей родины въ остзейскій край, гдѣ не видѣлъ никакихъ священныхъ изображеній, въ С.-Петербургѣ и здѣсь на мѣстѣ по обычаю русскихъ ставилъ свѣчу предъ иконой. Но о вѣрѣ русскихъ у него было предвзятое, плохое представленіе. Г. Тидебель погрузился въ изученіе католицизма и сталъ посѣщать католическіе храмы С.-Петербурга. Познакомившись съ ученіемъ римо-католицизма, онъ понялъ, что эта церковь отступила отъ каноническихъ основъ древней церкви, именно отъ ея соборнаго начала, и обратилъ свой взоръ къ англиканской епископальной церкви, думая здѣсь найти чистый вселенскій католицизмъ; но оказалось, что англиканство есть нечто среднее между католичествомъ и протестантизмомъ. Тогда г. Тидебель услышалъ, что древній чистый католицизмъ содержится въ старокатолической церкви. Знакомство съ старокатоличествомъ показало ему, что эта церковь стремится объединиться съ русскимъ православіемъ. Г-ну Тидебелю пришлось познакомиться съ русскими богословами, пишущими о соединеніи съ старокатоликами, и въ концѣ-концовъ онъ сдѣлался православнымъ священникомъ.

Во время чтенія участвовали хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, прекрасно исполнившихъ нѣсколько нѣсколькихъ греческаго, кіевскаго и знаменнаго распева. Слушателей было мало.

Живописная школа. При здѣшнемъ женскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ основана живописная школа, излюющая пѣлю главнымъ образомъ иконопись. Преподавателемъ состоитъ іеромонахъ Крестовой церкви о. Лука, получившій художественное образованіе въ Императорской Академіи Художествъ. Точно также въ монастырѣ обращено вниманіе на улучшеніе церковнаго пѣнія. Руководителемъ состоитъ новый заочный учитель реальнаго училища, священникъ Арнадій Мих. Алфеевъ.

II.

Учебныя занятія въ духовныхъ академіяхъ. Къ искомому сожалѣнію, состояніе духовныхъ академій все еще не упорядочилось. Св. Синодомъ дана академіямъ автономія, подъ которой прежде всего разумѣется право

профессорамъ корпораціи избирать для себя ректора и инспектора. Но академическая молодежь этимъ не удовлетворяется: она требуетъ, чтобы эти выборы были произведены немедленно, а не по мѣрѣ освобожденія вакансій.

Не смотря на крайне ограниченное число студентовъ, всего около 60 человекъ, съ 11 января въ с.-петербургской духовной академіи возобновились занятія. Наличный составъ студентовъ совершенно отказался отъ предьявленія какихъ-либо заявленій и просьбъ къ ректору академіи епископу Сергію.

Правленіемъ кievской духовной академіи уволены 34 студента. Причиной увольнения послужило выраженное ими желаніе начать занятія, фактически не признавая существующаго ректора и инспекціи, какъ назначенныхъ, а не выборныхъ („Колоколъ“).

О реформѣ духовныхъ консисторій. Въ центральномъ управленіи духовнаго вѣдомства на очередь ставится вопросъ о реформѣ духовныхъ консисторій.

Относительно этой, давнымъ-давно назрѣвшей реформы, существуетъ проектъ ввести вмѣсто суда консисторскаго по уѣзднымъ городамъ надъ духовенствомъ особые суды изъ священнослужителей.

Въ этомъ судѣ, кромѣ духовныхъ лицъ, будетъ участвовать и прокуроръ изъ свѣтскихъ ученыхъ юристовъ.

Изъ вѣдѣній духовныхъ судовъ предполагается изъять бракоразводныя дѣла.

Взамѣнъ консисторій предполагается ввести при епархіальныхъ архіереяхъ (епископахъ, архіепископахъ и митрополитахъ) особые совѣты.

На этихъ совѣтахъ будетъ присутствовать мѣстный архіерей и разсматривать созмѣстно съ пресвитерами дѣла. Это будетъ упрощенный способъ рѣшенія разныхъ ходатайствъ и просьбъ безъ излишней переписки.

Конечно, проектъ-реформа пережившихъ себя консисторій будетъ однимъ изъ первыхъ предметовъ сужденія предстоящаго церковнаго собора. („Колоколъ“).

Церковныя извѣстія изъ Казани. Съ конца октября мѣсяца минувшаго года начались пастырскія собранія священниковъ г. Казани. Настроеніе духовенства, обнаружившееся на этихъ собраніяхъ, оказалось не особенно мирнымъ. Произошли пререканія съ архіепископомъ и разладъ съ прихожанами. Среди послѣднихъ образовалось „общество церковныхъ старостъ и приходскихъ попечителей“, имѣющее цѣлю объединить *прихожанъ* въ дѣлѣ борьбы „со всеми разрушительными силами, дѣйствующими во вредъ вѣрѣ, Царю и отечеству“. Пастыри г. Казани рѣшились такъ или иначе поправить дѣло и объединиться со старостами и попечителями. Съ этою цѣлю они пригласили ихъ на свое пастырское собраніе. Объединеніе должно было прежде всего состояться на почвѣ общей политической платформы. Почти все присутствовавшіе на собраніи члены причтовъ, старосты и попечители признали наиболее приемлемою программу казанской партіи манифеста 17 октября и рѣшили образовать „союзъ пастырей и церковныхъ старостъ г. Казани“, но за прочность образовываемаго союза ручаться не легко.

На пастырскихъ собраніяхъ съ позволенія духовенства присутствовалъ казанскій архимандритъ Андрей (князь Ухтомскій). Находя, что его рѣчи на собраніи

были не поняты и даже извращены, о. архимандритъ рѣшилъ выступить съ печатнымъ изложеніемъ своего credo въ „Церковно-Общественной Жизни“. „Я—демократъ, но съ большой поправкой къ этому понятію—я—церковникъ; а всякій церковникъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ самымъ искреннимъ народникамъ... Мое представленіе о самодержавіи совершенно противоположно укоренившемуся о немъ представленію, какъ о власти только однихъ чиновниковъ съ ихъ самоуправствомъ. Нѣтъ, самодержавный Царь—это власть самая демократическая, самая любимая народомъ и наиболѣе для народа доступная. Поэтому она, въ чистомъ ея видѣ, и немыслима безъ народной свободы, безъ свободы печати, союзовъ и пр. И разъ эти свободы отнынѣ съ 17 октября, возведены въ „незыблемый законъ“ Русской имперіи, царская власть возвратила себѣ все, что утратила въ эпоху императорскаго абсолютизма, и скоро и быстро укрѣпитъ любовь русскаго народа къ Царю которую чиновники такъ стремились своимъ беззаконіемъ уничтожить... Но мой полный идеалъ народной жизни это теократія (Богоправленіе) эпохи судей“. На пастырскомъ собраніи 10 ноября былъ возбужденъ вопросъ о допущеніи къ участію въ собраніяхъ діаконовъ, псаломщиковъ и свѣтскихъ преподавателей духовно-учебныхъ заведеній. Вопросъ рѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, что все члены клира имѣютъ право присутствовать на пастырскихъ собраніяхъ, если на нихъ не обсуждаются вопросы спеціально пастырскаго характера. Принципіально признано вполне желательнымъ допущеніе и преподавателей духовно-учебныхъ заведеній. („Церковно-Общественная Жизнь“).

Содержаніе духовенства. Во многихъ епархіяхъ высказывается желаніе измѣнить существующій способъ обезпеченія духовенства. Наилучшимъ считается назначеніе казеннаго жалованья, при чемъ духовенство готово отказаться и отъ земли. Въ связи съ вопросомъ объ обезпеченіи духовенства поднимаются рѣчи объ упраздненіи діаконовъ.

Въ Смол. Еп. Вѣдомостяхъ, въ виду предстоящаго епархіальнаго съѣзда, свящ. Д. Конокотинъ пишетъ: „Не пора-ли оо. депутатамъ съѣзда посерьезнѣе взглянуть и на себя, свою угнетенную жизненную обстановку, свою матеріальную зависимость отъ обѣднѣвшаго народа, результатомъ чего является ненормальность отношеній пастыря съ пасомыми,—эта ненормальность, право, душитъ, мертвитъ живое сердце убиваетъ энергію у самаго идеальнаго священника“.

О діаконахъ онъ говоритъ: „Церковной школою пользы они мало принесли, ибо оо. діаконы, получивъ санъ, всеми путями стараются увильнуть отъ должности учителя, одинъ изъ-за болѣзни, другой—еще по какой либо причинѣ, а при невозможности увильнуть одинъ изъ нихъ числится учителемъ въ какой-нибудь школоу грамоты, верстѣ за 7, 10-ть отъ села, другой учителемъ пѣнія, третій помощникомъ законоучителя въ школахъ грамоты и т. д. И выходитъ, что и козы сыты, и сѣно цѣло. Форма соблюдена, отъ вычета избавился. А между тѣмъ, сколько оо. діаконы принесли разладу въ духовенство, сколько поотняли средствъ, и безъ того бѣдныхъ, отъ священника и псаломщика, умножили своимъ институтомъ сиротъ въ духовенствѣ,

а дать ничего не дали ни духовенству, ни обществу, говоря по совѣсти, кромѣ бѣдности, да лишннихъ судовъ“.

Въ Орловскихъ Еп. Вѣдомостяхъ свящ. С. пишетъ: „Неизбѣжный вопросъ: откуда взять средства на жалованье духовенству? Если бы наши государственные ресурсы были въ завидномъ положеніи, то, конечно, отвѣтомъ могло бы служить на данный вопросъ—государственное казначейство. Но про это и думать нельзя теперь, послѣ разорительной войны. Средства на жалованье, значить, нужно добывать отъ прихожанъ, путемъ-ли обложенія земли, или въ видѣ подоходнаго налога. Да, этотъ способъ самый законный и справедливый: кто пользуется услугами другого, тотъ долженъ вознаграждать его за эти услуги. Вѣдь, содержатся теперь на счетъ обывателей и сельская власть, и полиція, и земскіе дѣятели. Жалованья 2-х-членному сельскому причту, безъ земли, по нашему мнѣнію, достаточно будетъ 1200 р.—900 р. священнику и 300 руб. псаломщику. Причтамъ городскихъ церквей, вслѣдствіе особыхъ условій городской жизни, должно быть назначено жалованье въ большемъ размѣрѣ“.

Въ Тамбовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ священ. І. Добротворскій, изобразивъ въ яркихъ краскахъ унизительное положеніе священника при современномъ способѣ его содержанія, говоритъ:

„Что же намъ дѣлать?! Молчать?“

Нѣтъ, отцы и братья, лучше будемъ говорить.

Скажемъ Святѣйшему Синоду, а чрезъ него Государственной Думѣ или будущему помѣстному собору, и вотъ что скажемъ:

Мы учились, мы и сейчасъ учимся, и учимъ, и трудимся не менѣе другихъ. Дайте же намъ право на то, чтобы мы получали за труды *не какъ милость, а какъ вполне законное, заслуженное, непопречное*“.

Въ „Извѣстіяхъ по казанской епархіи“ свящ. Евгений Вишневскій говоритъ:

„При существующемъ современномъ у причтовъ обезпеченіи, пока правительство не приметъ мѣръ замѣны его другимъ болѣе благороднымъ и непременно отъ себя, духовенство не должно возлагать надеждъ на своихъ прихожанъ и ждать, что они поймутъ положеніе своихъ пастырей и облегчатъ его, а напротивъ, само должно позаботиться выйти изъ ненормальнаго положенія въ дѣлѣ своего обезпеченія, изыскавъ средства облагородить его, хоть такъ, какъ возможно. Ругу, на примѣръ, можно перевести на землю, гдѣ она имѣется при церквахъ; плату за требы, по обоюдному согласію съ прихожанами, таксировать; отъ этого, конечно, платы за требы понизятся, но зато получатся будутъ безъ „ряды“ и инцидентовъ“.

Св. Іак. Тимофеевъ лучшую мѣрою къ улучшенію положенія причтовъ считаетъ упраздненіе штатныхъ діаконскихъ вакансій во всѣхъ рѣшительно городскихъ и сельскихъ приходяхъ, кромѣ соборныхъ ц. ц. Она—ничуть не новая, и имѣла уже мѣсто въ исторіи русской ц. съ 1871 по 1885-й годъ. Съ упраздненіемъ діаконства скорѣе можетъ разрѣшиться вопросъ о необходимомъ и достаточномъ обезпеченіи двухчленныхъ клировъ казеннымъ содержаніемъ. Съ плечъ государства спадетъ забота о содержаніи тѣхъ могущихъ разрастись въ цѣлый легіонъ членовъ клира, которые мо-

гутъ быть, могутъ, безъ какого-либо существеннаго ущерба для жизни церковно-приходской общины, а быть. Зачѣмъ искусственно, дорогою цѣною поддерживать и создавать роскошь тамъ, гдѣ естественное необходимое крайне нуждается въ поддержкѣ и помощи (Курскія Епарх. Вѣдомости).

Но Костромскія Еп. Вѣдомости говорятъ за сохраненіе діаконскаго сана, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы было возстановлено древнее значеніе діаконскаго сана и прохожденіе ея служило бы подготовкою къ пресвитерству.

Діаконы въ древней церкви должны были наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ въ храмѣ во время богослуженія. Но едва-ли не шире значеніе діаконскаго сана было въ древней церкви въ-богослужебное. Они блюдали за правами и поведеніемъ народа и доносили обо всемъ этомъ епископу. Они же раздавали милостыню, имѣли попеченіе о бѣдныхъ, сиротахъ, вдовахъ, дѣвственницахъ, содержащихся подлѣ стѣнъ мученикахъ, ухаживали за больными, одѣвали убогихъ, хоронили странниковъ и т. п. (Ап. Пост. кн. I гл. 44). Наблюдая за поведеніемъ паствы и собирая всевозможныя свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ и они дѣйствительно помогали епископамъ и пресвитерамъ видѣть и слышать о всемъ, что происходило среди паствы и своевременно принимать тѣ или другія мѣры къ исправленію и наставленію ея. Но можно-ли дать такое же содержаніе діаконскому служенію нынѣ? Отвѣтъ вотъ: даже и при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ первоначально существовало, отчасти въ томъ случаѣ, когда будутъ измѣнены эти условія. У насъ теперь совсѣтъ почти нѣтъ приходской благотворительности. Но если бы она была, то въ ея дѣлахъ діакону можно и должно предоставить подобающую долю участія. Въ дѣлѣ церковнаго учительства, приходской миссіи, въ заботѣ объ улучшеніи нравственности діаконы и теперь могли бы оказать большую поддержку приходскому священнику, если бы только этого пожелали они; если бы сами приходскіе священники воли на себѣ руководствованіе ими въ этомъ дѣлѣ“.

Въ заключеніе Костр. Еп. Вѣдомости говорятъ противъ юныхъ „пресвитеровъ“, въ которыхъ и народъ начинаетъ недоверчиво относиться и считать истинное діаконское служеніе лучшей подготовкой къ „пресвитерству“, въ собственномъ смыслѣ этого слова (старѣйшій).

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Взглядъ періодической печати на общественное настроеніе прошедшаго года. Современное положеніе школы. Финансовое состояніе Россіи.

Интересное освѣщеніе прошлагодняго общественнаго настроенія мы находимъ въ нѣкоторыхъ органахъ современной періодической печати. Особенное вниманіе авторы обзорной внутренней жизни Россіи обращаютъ на тѣ средства освободительнаго движенія, въ которыхъ прибѣгли крайніе элементы. Всеобщая стачка и политическая забастовка, по мнѣнію либеральныхъ органовъ печати, дѣлалась „огромнымъ ша-

гомъ впередъ не только для Россіи, но и для всего міра; отъ побѣдоносной политической стачки русскаго рабочаго класса отдѣлилась грандіозная волна моральнаго внушенія, которая прокатилась по всему міру, наполняя восторгомъ душу трудящихся массъ, возбуждая страхъ и ненависть среди представителей капитала и владѣнія... Повсюду результаты нашей всеобщей забастовки служатъ предметомъ оживленнаго обсуждения. Представители міровоззрѣнія труда безъ всякой проники могутъ воскликнуть: свѣтъ теперь льется пзъ Россіи.. Событія, происходящія въ нашемъ отечествѣ, имѣютъ такое міровое значеніе, предъ которыми блѣднѣютъ всѣ прочіе факты національной и интернациональной политики цивилизованныхъ государствъ... Русское освободительное движеніе играетъ такую же роль въ международной области, какую играла въ свое время великая французская революція“. („Русск. Богатство“, кн. 11—12). Признавая великое значеніе за освободительнымъ движеніемъ Россіи, другіе, болѣе умѣренные органы печати отмѣчаютъ въ немъ, однако же, такіе факты, которые свидѣтельствуютъ объ очевидной ненормальности самаго способа, какимъ осуществилось это движеніе.

„Забастовка 8-го декабря не удалась. Да и могла ли она удасться? Можно ли было бастовать для достиженія того, что недостижимо вовсе, или достижимо путемъ долгихъ лѣтъ соціальной эволюціи? Въ какомъ государствѣ мыслимо распространеніе на армію и флотъ права стачекъ?.. Наивно полагать, что объявленіе формулы: „вся земля переходитъ къ народу“ дѣйствительно обезпечитъ упраздненіе частной земельной собственности. Не менѣе наивно думать, что за формулой: „8-часовой рабочей день есть основное политическое право народа“ дѣйствительно послѣдуетъ установленіе этой нормы во всѣхъ областяхъ приложенія труда. Только въ упоеніи славой прошлаго успѣха можно было до такой степени переоцѣнить свои силы, чтобы рискнуть на изданіе подобнаго воззванія... Декабрьская забастовка въ Петербургѣ имѣла положеніе смѣшное. Во имя учредительнаго собранія, отмѣны военныхъ судовъ, 8-часового рабочаго дня и пр. дружно бастовали гимназисты, наборщики либеральныхъ газетъ и зубные врачи... На фабрикахъ и заводахъ — гдѣ бастовали, гдѣ нѣтъ. Магазины и лавки торговали. Присутственныя мѣста, банки и почта не прерывали занятій. При такихъ обстоятельствахъ совѣту рабочихъ едва ли не лучше было промолчать, нежели публиковать постановленіе: „объявить 19 декабря забастовку прекращенной“. По поводу забастовки учебныхъ заведеній и выпущеннаго 20 декабря „старостами-гимназистами“ объявленія о прекращеніи забастовки вслѣдствіе постановленія совѣта рабочихъ депутатовъ о такомъ же прекращеніи политической забастовки авторъ саркастически замѣчаетъ: „Итакъ, будь спокоенъ возставшій народъ; съ тобой солидарны учащіеся юноши и дѣти. Не хлопочи искать союзниковъ, съ тобой остаются вполнѣ солидарными старосты-гимназисты... Нѣтъ, горе тому народу, который бросаетъ въ водоворотъ революціи подрастающее поколѣніе. Онъ готовитъ печальное будущее“. („Вѣстн. Евр.“).

Говоря, въ частности, о почтово-телеграфной забастовкѣ, авторъ горячо протестуетъ противъ того

страшнаго хаоса, который произведенъ былъ этой забастовкой. „На быстротѣ и педантичной точности почты и телеграфа основана вся торговля, управленіе государствомъ, управленіе каждымъ дѣломъ. Прямо или косвенно, но въ непрерывности почтово-телеграфныхъ сношеній заинтересовано все населеніе. Каждый день забастовки причиняетъ ему неисчислимый ущербъ, матеріальный и моральный. Такая забастовка разрушаетъ благосостояніе страны на многіе годы... Отправляясь отъ интереса общественнаго, наша революція, въ практическомъ примѣненіи идеаловъ, выдвинула интересъ частный и на алтарь его несетъ общій, всенародный... Какъ бы человекъ ни былъ обиженъ судьбой, несправедливыми дѣйствіями начальства, какъ бы глубоко ни было нарушено его правосознаніе, но если онъ начнетъ жечь городъ и добиваться возстановленія своихъ правъ путемъ разоренія и разрушенія моральныхъ интересовъ жителей, кто не скажетъ, что онъ преступникъ или душевнобольной? Относительно вооруженнаго возстанія, къ которому прибѣгли крайніе элементы, авторъ говоритъ: „Вооруженное возстаніе страшное зло по тѣмъ жертвамъ, которыхъ оно требуетъ, по тѣмъ сѣменамъ ненависти и злобы, которыя оно оставляетъ, по невозможности, наконецъ, предвидѣть его исходъ, его ближайшіе и отдаленные результаты... По меньшей мѣрѣ является преждевременнымъ обращеніе къ насилию, особенно въ такую минуту, когда не изглажены еще слѣды несчастной войны, когда сводятся національные счеты, когда народъ страдаетъ отъ стихійныхъ бѣдствій. Ничто не измѣнилось и не можетъ измѣниться къ лучшему отъ того, что къ развалинамъ домовъ и къ сотнямъ труповъ въ разныхъ городахъ и деревняхъ прибавились еще болѣе грандіозныя развалины и еще болѣе многочисленныя трупы въ Москвѣ. Если событія будутъ идти въ томъ же направленіи и тѣмъ же темпомъ..., Россія вступитъ въ новый періодъ своей исторіи истощенною, озлобленною, неспособною къ творческой работѣ“. („Вѣстн. Евр.“, XII и I кн.).

Къ чему привело Россію освободительное движеніе, во главѣ котораго стали крайнія партіи? На этотъ вопросъ довольно саркастично отвѣчаетъ г-жа Смирнова въ „Новомъ Времени.“ „Къ началу декабря, говоритъ она, освободительное движеніе достигло у насъ полнаго расцвѣта. Россію освободили, во-первыхъ, отъ ея богатствъ, отъ того небольшого запаса народныхъ сбереженій, который еще сохранился у нея послѣ разорительной войны. Ее освободили отъ нѣсколькихъ сотъ помѣщичьихъ усадебъ, обращенныхъ въ золу и пепель, отъ множества фабрикъ и заводовъ, разоренныхъ забастовками... Ее освободили отъ черноморскихъ и балтійскихъ портовъ, гдѣ хозяйничали социалисты и стачечные комитеты... Освободили университеты отъ студентовъ, гимназіи отъ гимназистовъ, фабрики отъ рабочихъ. Однимъ словомъ, къ декабрю вся Россія была свободна... Что изъ этого вышло, мы теперь знаемъ. Исполнительная власть осталась, но такъ какъ исполнять ей было нечего, никакихъ законовъ въ Россійской имперіи не оказалось, то она, растерявшись, стала, какъ испорченный механизмъ, вертѣть колесами по воздуху... Губернаторы въ провинціи и министры въ Петербургѣ дѣйствовали вразбродъ,

ощупью. Въ одной губерніи объявляли усиленную охрану, въ другой просили бунтовщиковъ взять охрану города на себя и выдавали имъ казенныя винтовки. Взбунтовавшись противъ самодержавія, мы попали въ рабство къ освободительному движенію... Мы сидѣли впотьмахъ, потому что освободительное движеніе приказало потушить фонари на улицахъ. Мы запасались водой, потому что оно могло запереть водопроводъ. Мы оставались безъ газетъ, безъ писемъ, безъ телеграммъ... Наши освободители держали въ осаду Россію. Они обратили ее въ смиренный домъ, въ которомъ за каждую провинность правительства наказывали весь народъ". („Нов. Вр.“).

Каково общественное настроеніе въ настоящій моментъ? Революціонный туманъ, повидимому, разсѣвается. Мало-по-малу начинаетъ водворяться порядокъ, не безъ нѣкотораго, впрочемъ, довольно чувствительнаго давленія со стороны. „Рабочіе, массаи бѣжавшіе изъ Москвы во время декабрьской забастовки по деревнямъ, возвращаются на фабрики и заводы. Наступаетъ критическій моментъ въ рабочемъ движеніи. Хотя крайнія политическія партіи возобновляютъ движеніе, „но есть признаки замѣтнаго поворота рабочихъ массъ въ сторону профессиональнаго объединенія для чисто экономической борьбы и улучшенія своего быта и условій фабрично-заводской жизни“. Силы крайнихъ партій, телеграфируютъ „Нов. Врем.“ изъ Н.-Новгорода, дезорганизованы декабрьскими событіями и послѣдствіями ихъ. Революціонеры не увѣрены въ настоящее время въ поддержкѣ не только со стороны общества, но даже и со стороны большинства рабочихъ, для которыхъ событія обошлись весьма дорого. Почти непрерывныя забастовки и волненія тяжело отзываются на бюджетъ рабочихъ, отсутствіе дальнѣйшаго заработка поражаетъ массу недовольства. Напряженное состояніе и репрессіи также не могутъ нравиться населенію. Въ результатъ общее желаніе скорѣйшаго успокоенія и умиротворенія. Даже годовщина 9-го января не нарушила обычнаго теченія общественной жизни; всѣ слухи объ имѣющихъ быть въ этотъ день беспорядкахъ не оправдались; призывъ революціонныхъ организацій къ всеобщему трауру почему-то не нашелъ отклика. Да и самый взглядъ на событіе 9-го января установился болѣе трезвый. Хотя, по словамъ „Нов. Врем.“, первый оглушительный громъ ударилъ именно 9 января прошлаго года, когда и началась революція, однако, въ зародышѣ своемъ этотъ „революціонный“ бунтъ былъ крайне наивенъ, довѣрчивъ и растерянно-безпомощенъ. Поднялись сотни тысячной толпой всѣ безоружные или вооруженные иконами и портретами Государя, чтобы идти ко дворцу, говорить съ Государемъ. Рабочіе были безоружны и вовсе не собирались драться. Они были искренно убѣждены, что ихъ желаніе говорить съ Царемъ не только не преступно, но и составляетъ нѣкоторый актъ преданности власти. Народъ чувствовалъ, что у него есть нѣчто великое сказать Монарху. Еслибы довелось ему сказать, то онъ всей огромной толпой упалъ бы на колѣна, заплакалъ бы, сталъ бы цѣловать ноги своего Царя, прокричалъ бы „ура“ и „Боже, Царя храни“, и разошелся бы успокоенный. Можетъ быть, ничего болѣе и не требовалось; можетъ

быть, только и хотѣлось выплакать свое горе и облегчить душу. Въдѣ нестерпимый позоръ тогда чувствовалъ вся страна и нужно было какъ нибудь разрѣшить этотъ пароксизмъ. Сложись событіе 9 января въ величественную патріотическую манифестацію — въ разговоръ Царя съ народомъ, картина эта совсѣтъ иначе поразила бы народное воображеніе. До отдаленныхъ деревень, до глубинъ народныхъ пошла бы молва о томъ, какъ народъ жаловался и Заступникъ слушалъ. Подкрѣпленная смѣлыми и широкими реформами, эта историческая сцена могла бы подавить начавшуюся смуту; не было бы тогда ни рабочихъ, ни народныхъ, ни военныхъ бунтовъ. („Нов. Вр.“). „Тонъ петиціи рабочихъ отнюдь небылъ революціонный; всѣ политическія требованія ея въ главныхъ своихъ пунктахъ были удовлетворены чрезъ девять мѣсяцевъ манифестомъ Государя 17 октября. Толпа была настроена не только не революціонно, но исключительно вѣрнопоклоннически и вкорно; она шла въ твердой вѣрѣ видѣть Царя и разсказать Ему свои нужды. Никто абсолютно не былъ вооруженъ. Они не только сами не производили извѣстій, но и не противились насиліямъ, исходившимъ по приказанію высшихъ лицъ отъ войскъ... Рабочіе не хотѣли идти революціоннымъ путемъ и выбрали честный, открытый, наивно-довѣрчивый образъ дѣйствій. Они шли просить Государя... о томъ, что было необходимо для страны, государства и народа. Пройди мимо революціи, страна безъ страданій пошла бы по своему великому пути“ („Молва“). Глубоко правдивыя и искреннія слова! И какъ до боли грустно, что все послѣдующее за этимъ событіемъ пошло путемъ крайняго ненормальнаго.

Вопросъ о ненормальномъ положеніи средней и высшей школы, попрежнему, продолжаетъ занимать правительство и общество. Отъ родительнаго союза средней школы въ „Молвѣ“ помѣщено слѣдующее воззваніе: „Настало время русскому обществу взять реформу средней школы въ свои руки. Для этого нужно объединиться всѣмъ тѣмъ, кому близки и дороги интересы средней школы. Сюда принадлежатъ прежде всего родители и опекуны учащихся, а также педагоги и вообще лица, интересующіяся средне-школьнымъ воспитаніемъ и обученіемъ. Для указанной цѣли въ Петербургѣ образовался родительскій союзъ“. Это воззваніе, по словамъ „Нов. Врем.“, возымѣло свое дѣйствіе. Къ урядителямъ кружка родителей поступило довольно много заявленій о сочувствіи этому предпріятію. Изъ провинціи сообщаютъ объ образованіи кружковъ родителей для борьбы съ политической агитаціей въ школахъ.

Какъ ни прискорбно, но приходится сказать, что наши дѣти оказались вовлеченными въ политическое движеніе. Гдѣ причина этого явленія? „Между жизнью и школой произошелъ разладъ и жизнь побѣдила школу“, такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ одинъ публицистъ. Скачки послѣднихъ лѣтъ отъ строгаго классицизма къ фактическому упраздненію изученія древнихъ языковъ и обратно, отъ распушенности къ солдатской дисциплинѣ и тоже обратно внесли въ школу полный сумбуръ, окончательно отучили учащихся отъ труда и успели тонъ ихъ отрицательнаго отношенія

къ школъ... Но разладъ у дѣтей произошелъ не только съ школой, но и съ семьей; въ этомъ весь трагизмъ положенія. Въ сутолокѣ жизни отцы проглядѣли дѣтей („Вѣстн. Евр.“). Интересная бесѣда съ министромъ народнаго просвѣщенія о положеніи школы въ Россіи приводится въ „Молвѣ“. „Что касается автономіи университетовъ, то ея введеніе весьма желательно въ самомъ недалекомъ будущемъ, но вмѣстѣ съ ней придется отнять у университетовъ право раздачи различныхъ привилегій. Желаящіе пріобрѣсти права на государственную службу будутъ подвергаться испытаніямъ въ особыхъ правительственныхъ комиссіяхъ. Но пока еще нѣтъ настоящей автономіи и даже пріемъ въ университеты ограниченъ почти исключительно гимназистами, приходится уничтожить ограничительные законы. Въ этихъ дѣлахъ мною испрошено Высочайшее разрѣшеніе на пріемъ семинаристовъ, независимо отъ того порядка, въ какомъ они окончили курсъ семинаріи, во всѣхъ россійскіе университеты. Положеніе средней школы, по мнѣнію министра, весьма плачевное. Средняя школа деморализована и много еще времени понадобится на то, чтобы она вновь вошла въ свою колею“.

Финансовое положеніе Россіи печально. Долгъ государственный достигъ очень большой суммы. По словамъ „Молвы“, въ 1906 г. предполагается истратить на обыкновенные расходы два милліарда восемнадцать милліоновъ руб. Изъ этой громадной цифры на платежи по займамъ нужно отдѣлить 335 милліоновъ руб., т. е. около $\frac{1}{6}$ всѣхъ расходовъ... Такой ростъ расходовъ на платежи по займамъ объясняется увеличеніемъ нашего государственнаго долга во время войны съ Японіей. Къ 1 января 1889 г. государственный долгъ Россіи равнялся 5 милліардамъ, къ 1 января 1904 г. онъ достигалъ уже 6,6 милліардовъ, къ 1 января 1906 г. — уже 8 слишкомъ милліардовъ рублей. Съ другой стороны, однако, есть надежда на нѣкоторое улучшеніе и успокоеніе денежнаго рынка. Въ Торгово-Промышленной Газетѣ напечатано слѣдующее сообщеніе: „Въ послѣдніе два мѣсяца подъ вліяніемъ паники отъ революціоннаго движенія, которое поставило себѣ задачей привести Россію къ полному экономическому разоренію, а населеніе ея къ нищетѣ, многіе русскіе люди и учрежденія начали переводить свои деньги за границу и играть на всѣхъ биржахъ на пониженіе русскіхъ цѣнностей и на паденіе курса рубля. Само собой разумѣется, что подобная спекуляція повліяла на весьма значительный отливъ изъ Россіи золота. Этотъ отливъ поощрилъ спекуляцію играть на пониженіе и, чтобы не обмануться въ своихъ расчетахъ, она начала усиленно распространять въ обществѣ мнѣніе, что Россія неизбежно прекратитъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото, и въ этомъ смыслѣ часть русской печати начала писать убѣдительнѣйшія для публики статьи. Такимъ образомъ явилось трогательное согласіе между революціонерами и различными русскими людьми всѣхъ классовъ населенія, ищущими спекулятивной наживы посредствомъ разоренія Россіи. Но, судя по обороту дѣлъ, выяснившихся въ послѣдніе недѣли, мы имѣемъ весьма вѣское основаніе полагать, что точно такъ, какъ расчетъ революціоне-

ровъ на вооруженное возстаніе потерпѣлъ неудачу, такую же неудачу потерпятъ всѣ люди, безсовѣстно спекулировавшіе на пониженіе русскіхъ фондовъ и на прекращеніе размѣна. Наиболѣе благоразумные изъ нихъ, хотя и столь же корыстные, какъ вообще спекулянты, уже начали ликвидировать свои сдѣлки на пониженіе, опасаясь отъ своей игры получить убытокъ вмѣсто выигрыша“. („Нов. Врем.“).

Изъ періодической печати.

Къ вопросу о взаимоотношеніяхъ свѣтскаго общества и духовенства. Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ (ноябрь 1905) статья священника А. Юрикаса. Вопросъ этотъ крайне сложный и запутанный. Авторъ отчасти проливаетъ на него нѣкоторый свѣтъ, указывая факты, свидѣтельствующіе, что причину печальнаго разлада между свѣтскою интеллигенціей и духовенствомъ нужно искать не только въ духовенствѣ, но и въ свѣтскомъ обществѣ. „Одни, говоритъ онъ, видятъ причину указываемаго разобщенія и вражды въ самомъ духовенствѣ, которое, вслѣдствіе „кастовой своей исключительности“, и въ школѣ и въ общественной жизни, не понимаетъ и потому игнорируетъ запросы свѣтскаго общества. Эта мысль очень сильно и ярко выражена въ рефератѣ Тернавцева, прочитанномъ въ одномъ изъ засѣданій релігиозно-философскихъ собраній: „Русская Церковь предъ великой задачей“. Вотъ что здѣсь, между прочимъ, сказано: „Возрожденіе Россіи возможно только на релігиозной почвѣ“. Но гдѣ же дѣятели, проповѣдники этого возрожденія? Очевидно, въ учащихъ силахъ Русской Церкви. Но оказывается, что „въ большинствѣ они наставлены въ вѣрѣ односторонне, часто ложно воодушевлены, мало знаютъ и еще меньше понимаютъ всю значительность мистической и пророческой стороны христіанства. Но самое главное — они видятъ въ христіанствѣ и понимаютъ только загробный идеалъ, оставляя земную сторону жизни, весь кругъ общественныхъ отношеній пустымъ, безъ воплощенія истины. Эта односторонность и мѣшаетъ имъ стать ловцами человѣковъ нашихъ дней“.

Другіе, наоборотъ, въ указываемой розни винятъ свѣтское общество и свѣтскую печать, въ которыхъ „не видно безпристрастія, терпимости, благожелательности, гдѣ нѣтъ оцѣнки нашего вопроса по достоинству“, какъ объ этомъ заявляетъ въ С.П.Б. Вѣдомостяхъ, 1904 г. № 352) одинъ священникъ. Въ настоящій разъ мы хотимъ остановиться подробнѣе на этомъ взглядѣ и привести факты изъ жизни, говорящіе въ пользу его. И въ самомъ дѣлѣ, спросите у интеллигента нашихъ дней, что такое представляетъ изъ себя, на примѣръ, семинаристъ, и онъ вамъ въ отвѣтъ заговоритъ о бурсакѣ въ духѣ блаженной памяти Помяловскаго. Такое невѣжество основано, очевидно, на недоразумѣніи, или легкомысліи, на игнорированіи свидѣтельствъ другого рода, указывающихъ на замѣчательные, выдающіеся успѣхи студентовъ изъ семинаристовъ. Объ этомъ можно читать, на примѣръ, въ официальныхъ отчетахъ Юрьевскаго университета за послѣдніе годы, въ Русск. Вѣдом. (1904 г. № 17)

и др. Далѣе, когда рѣчь заходитъ объ архіереяхъ, о духовномъ судѣ, почему у многихъ въ умѣ мелькаютъ „Мелочи архіерейской жизни“ Лѣскова? Что это — невѣжество или легкомысліе? Или еще примѣръ изъ жизни. У предводителя дворянства званый обѣдъ по случаю именинъ хозяина. Безъ батюшки, „дьячка“ и хора пѣвчихъ тутъ не обойдется: нужно, вѣдь, молебенъ отслужить на дому, — такъ принято, и, кромѣ того, тогда будетъ болѣе величія хозяина предъ гостями, будетъ какъ-то торжественнѣе. Батюшку, само собою понятно, приглашаютъ не только какъ требоисправителя, но и какъ гостя, потому просятъ его и къ обѣденному столу. Но посмотрите, какъ его встрѣчаютъ. Какъ только лакей доложитъ почтенному собранію, что пожаловалъ батюшка, въ залѣ наступаетъ тишина, разговоры прекращаются, замолкаетъ не только безпечная болтовня веселой молодежи, но и серьезные разговоры солидныхъ мужей: всѣ чувствуютъ какое-то непонятное стѣсненіе, что то не совсѣмъ пріятное. Входитъ священникъ. Довольно церемонно привѣтствуетъ всѣхъ, видимо, стѣсняется, очутившись въ великосвѣтскомъ обществѣ. Кто-то изъ молодежи успѣлъ замѣтить въ батюшкѣ что-то „странное“ или „смѣшное“ и сообщаетъ объ этомъ тихо своей компаніи, которая едержанно улыбаются. Тѣмъ временемъ хозяинъ проситъ батюшку садиться и начинаетъ придумывать спеціальныя темы для разговора съ духовнымъ лицомъ, на примѣръ, объ отлученіи графа Толстого отъ Церкви, о свободѣ совѣсти, по поводу рѣчи Стаховича и т. п. Такія темы избираются, впрочемъ, для разговоровъ съ болѣе образованными священниками; для „простыхъ“ достаточно заговорить на свои „епархіальные“ темы, — каковы архіерей — строго или добръ, почему въ духовныхъ консисторіяхъ сильно тормозятся дѣла о брачномъ разводѣ, какъ понимать то, что Богъ сотворилъ свѣтъ въ первый день, а солнце — въ четвертый и т. д. Неестественность, искусственность подобныхъ разговоровъ прекрасно замѣчаетъ священникъ и потому онъ чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ, смущается, отвѣчаетъ на вопросы односложно, иногда невпопадъ... Когда священникъ уходитъ, всѣ легче вздыхаютъ, потому что уже не нужно ломать голову надъ тѣмъ, какъ занять батюшку. Объясните, почему такъ несправедливо относятся къ священнику; почему при немъ боятся говорить о своихъ дѣйствительныхъ потребностяхъ жизни; почему отъ него скрываютъ запросы мысли, волненія сердца; почему священника не считаютъ полноправнымъ членомъ общества, плотью отъ плоти и костью отъ костей современниковъ, имѣющимъ право жить и интересоваться тѣмъ, чѣмъ живутъ и интересуются всѣ? Или онъ есть существо, живущее внѣ условій земного человѣческаго бытія? Но въ такомъ случаѣ, почему отъ него требуютъ руководства въ этой самой жизни? Отъ этихъ недостатковъ, въ своихъ отношеніяхъ къ духовенству, не свободны и многія учрежденія различныхъ вѣдомствъ. Какъ смотрѣть на слѣдующіе факты? Въ повѣсти Лѣскова „Кадетскій монастырь“ мы читаемъ, что законоучитель кадетскаго корпуса, архимандритъ, указавшій одному изъ своихъ начальниковъ на неприличное поведеніе послѣдняго въ храмѣ, немедленно убирается изъ корпуса. Или еще. Командиръ издаетъ приказъ по пол-

ку о бытіи въ 9 часовъ утра въ великую пятницу на литургіи. Когда полковой священникъ докладываетъ, что онъ, на основаніи церковнаго устава, не можетъ исполнить этого приказа и потому проситъ отійти отъ него, командиръ приказываетъ батюшкѣ „заболѣть“ и издаетъ въ тотъ же день новый приказъ, что въ виду болѣзни священника, литургія отійняется. Благо еще, что здѣсь осталось и сѣно цѣло, и овцы сыты. А то, вѣдь, этотъ командиръ могъ поступить иначе: могъ настоять на своемъ, во что бы то ни стало, какъ поступилъ другой командиръ, заставившій своею властью священника пропускать эктению объ оглашенныхъ, на томъ основаніи, что у насъ-де, кромѣ православныхъ солдатъ, постороннихъ въ полковомъ храмѣ не бываетъ, оглашенныхъ, значитъ, нѣтъ. Подобное отношеніе интеллигенціи къ духовенству не есть нѣтъ исключительное. Бываетъ и хуже*.

Далѣе авторъ приводитъ много фактовъ, расушпчихъ ненормальное положеніе священника въ качествѣ законоучителя въ свѣтской школѣ. Отійти въ разнѣщіея въ настоящее время голоса, что двойка по Закону Божію не должно быть, что отійтокъ и вовсе не должно ставить по этому предмету, что преподаваніе Закона Божія должно состоять въ свободной бесѣдѣ духовнаго отца съ дѣтьми, авторъ продолжаетъ: но „пусть попробуетъ законоучитель преподавать по влеченію своего пастырскаго сердца и опыта, не исполнять официальной программы, не ставить отійтокъ, по крайней мѣрѣ двойки, его могутъ обвинять въ томъ, что онъ „распускаетъ“ учениковъ, онъ можетъ лишиться мѣста и хлѣба, какъ не желающій не поднѣять законовъ, дѣйствующихъ относительно учебныхъ заведеній. Съ другой стороны, если законоучитель, во избѣжаніе великихъ недоразумѣній съ начальствомъ, вздумаетъ строго придерживаться закона, его обвинять въ формализмѣ, бездушности, недостаточномъ влияніи на учениковъ, въ строгости и чрезвычайной требовательности... Но почему такія двойственные требованія предъявляются именно къ законоучителю, а не также ко всякому другому учителю; почему именно законоучителя ставятъ межъ двухъ огней? Это происходитъ оттого, что во взглядѣ на законоучителя слѣшивается понятіе о немъ, какъ учителя-воспитателя, съ понятіемъ о немъ, какъ духовномъ отцѣ учениковъ и совершителѣ богослуженій и таинствахъ. Такое смѣшеніе указанныхъ понятій царитъ въ головахъ даже педагоговъ-начальниковъ. Намъ извѣстенъ инспекторъ II-ской гимназіи, человекъ, правда, невысокой педагогической пробы, который пресерьезно совѣтовалъ законоучителю ставить двойки по Закону Божію одному ученику, не посвѣщавшему богослуженій въ гимназическомъ храмѣ, до тѣхъ поръ, пока этотъ ученикъ не станетъ являться въ гимназическій храмъ*.

Въ заключеніи авторъ говоритъ: „Указывая на ненормальности и недостатки общества и школы въ ихъ отношеніяхъ къ религіознымъ запросамъ современности и къ духовенству, мы далеки отъ огульнаго обвиненія всего нашего общества и школы въ безрелигіозности и предубѣжденіи противъ духовенства. Нѣтъ, выставивъ на шель указанные отрицательныя явленія, мы хотимъ послужить дѣлу сближенія между свѣтскимъ обществомъ и духовенствомъ, такъ какъ мы

вѣримъ и знаемъ, что прежде чѣмъ лѣчить раны, нужно сначала осмотрѣть, и внимательно, эти раны... Какъ бы кто ни смотрѣлъ на этотъ вопросъ, для образованнаго русскаго человѣка не составляетъ тайны то положеніе нашей исторіи, что православная русская церковная іерархія, отъ дней равноапостольнаго Просвѣтителя Руси, во все періоды русской исторической жизни призывалась государственною властью къ участию въ обсужденіи и рѣшеніи важнѣйшихъ государственно-общественныхъ дѣлъ. Великіе московскіе послы въ 1610 году говорили польскому королю: „Изначала у насъ, въ русскомъ царствѣ, такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ и съ ними о важныхъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали“. Представительство церкви не только присутствуетъ на всѣхъ земскихъ соборахъ, но и принимаетъ участіе во всѣхъ сферахъ ихъ дѣятельности. Впрочемъ, такъ обстояло дѣло только до времени Петра Великаго. За послѣдніе же 200 лѣтъ между свѣтской интеллигенціей и духовенствомъ образовалась такая пропасть недоразумѣній, которую невозможно преодолѣть единичными попытками сближенія отдѣльныхъ личностей съ той или другой стороны. Того, что создано путемъ продолжительнаго историческаго процесса, нельзя измѣнить одними добрыми пожеланіями. Необходима систематическая реакція, направленная на разрушеніе уродливаго результата, созданнаго исторіей“. Вотъ почему истинно русскій человѣкъ долженъ радостно привѣтствовать не такъ давно послѣдовавшее приглашеніе кіевскимъ генералъ-губернаторемъ духовенства юго-западнаго края принять участіе въ земской работѣ, между прочимъ, въ дѣлѣ насажденія здравыхъ понятій среди крестьянъ о лучшихъ, болѣе рациональныхъ способахъ земледѣлія. Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ“. Дѣйствительно, надобно всеми силами стремиться къ тому, чтобы образовавшаяся между свѣтской интеллигенціей и духовенствомъ пропасть исчезла. Это печальное взаимное недоразумѣніе вредно отражается какъ на духовенствѣ, такъ и на самомъ свѣтскомъ обществѣ.

ВАЖНѢЙШІЯ ТЕЛЕГРАФНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 12 января. Комиссія, выдѣленная профессорскимъ съездомъ для выработки основы положеній, касающихся жизни учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, пришла къ слѣдующему заключенію: въ университетъ принимаются лица обоюга пола безъ различія вѣроисповѣданія и національности; пріемъ имѣетъ мѣсто 2 раза въ годъ. Плата за полугодіе устанавливается въ 40 рублей. Студентамъ разрѣшается слушать и сдавать курсы одновременно на двухъ факультетахъ. Государственные экзамены отменяются. Университетскій дипломъ не даетъ никакихъ привилегій. Желавшіе получить права и примѣнить свои знанія къ какой-нибудь практической дѣятельности должны сдавать экзамены въ соответствующихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Упраздняется званіе магистра, оставляется

только ученая степень доктора. Все студенческія организациі не политическаго характера разрѣшаются совѣтомъ, политическія же—на основаніи общегражданскихъ положеній.

ЦАРСКОЕ СЕЛО, 14 января. Въ засѣданіи съѣзда профессоровъ окончательно приняты слѣдующія положенія: *первое*: университеты даютъ только двѣ ученыхъ степени—кандидата и доктора; лица, получившія степень магистра по прежнимъ правиламъ, приравниваются докторамъ при замѣщеніи преподавательскихъ должностей; *второе*: для полученія званія кандидата необходимо выдержаніе особаго экзамена и защита на собраніи факультета печатной диссертациі; *третье*: степень доктора дается кандидату послѣ публичной защиты печатнаго ученаго изслѣдованія, одобреннаго факультетомъ и доказывающаго, что ищущій степени доктора представляетъ собой самостоятельнаго ученаго; *четвертое*: факультетомъ можетъ присуждаться званіе доктора *honoris causa* безъ представленія диссертациі лицамъ, пріобрѣтшимъ извѣстность въ ученомъ мѣрѣ своими научными трудами; *пятое*: къ состоянію въ степени доктора могутъ быть допускаемы съ разрѣшенія факультета лица, имѣющія степени доктора одного изъ за-граничныхъ университетовъ.

Комиссія по вопросу о личномъ составѣ опредѣлила окладъ профессора въ четыре тысячи пятьсотъ рублей съ двумя прибавками, по семисотъ пятидесяти рублей каждая, исчисляемымъ по пятилѣтіямъ со дня назначенія профессоромъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 14 янв. „Слово“ сообщаетъ: на дняхъ будетъ опубликованъ законъ о свободѣ собраній; проектъ закона выработанъ по образцу нѣмецкихъ законовъ о собраніяхъ, которыя разрѣшаются явочнымъ порядкомъ съ однимъ только предупрежденіемъ о собраніяхъ администраціи, обязательно въ присутствіи полицейскаго чиновника. Полиція имѣетъ право закрыть собраніе въ тѣхъ случаяхъ, когда въ собраніи раздастся призывъ къ возстанію или другимъ насильственнымъ дѣйствіямъ. Собранія будутъ разрѣшаться только въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, уличные же митинги будутъ воспрещены; въ связи съ изданіемъ этого закона о свободѣ собраній ходятъ слухи объ открытіи высшихъ учебныхъ заведеній въ недалекомъ будущемъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 17 января. За первую половину января превышеніе взноса денегъ надъ выдачами въ сберегательныхъ кассахъ достигло пяти милліоновъ рублей, тогда какъ въ прежніе годы за то же время не достигало 1/2 милліона. Изданъ законъ о повышеніи процента по вкладамъ въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ до четырехъ процентовъ въ годъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 17 янв. За послѣднее время происходитъ значительный приливъ кредитныхъ билетовъ въ кассы государственнаго банка, при чемъ 8 янв. сумма билетовъ, находящихся въ кассахъ, достигла 104³/₁₀ милліона руб. Велѣдствіе сего банкъ призналъ необходимымъ изъять изъ обращенія на 25 мил. руб. кредитныхъ билетовъ. Постановленіе 17-го января приведено въ исполненіе; такимъ образомъ сумма билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, уменьшилась съ 1290 мил. руб. до 1265 мил.

Новое Время сообщаетъ: По полученнымъ нами свѣдѣніямъ въ государственной типографіи уже отпе-

чатанъ проектъ тѣхъ измѣненій въ основныхъ законахъ, которыя въ самомъ недалекомъ будущемъ будутъ обнародованы при соответственномъ манифестѣ и замѣнятъ собою нынѣшнюю первую часть перваго тома свода законовъ. Согласно этому проекту, понятие неограниченности власти монарха будетъ уничтожено, какъ вообще будетъ уничтожена вся первая статья свода законовъ. Титулъ монарха не будетъ подвергнутъ никакимъ измѣненіямъ: какъ извѣстно, этотъ титулъ говоритъ только о самодержавіи и не упоминаетъ о неограниченности. Такимъ образомъ понятие о самодержавіи будетъ впредь толковаться исключительно въ смыслѣ международной независимости (суверенитетъ). Никакой присяги монарха конституціи проектъ не вводитъ. Но манифестъ, при которомъ будутъ опубликованы новые основные законы, содержитъ въ себѣ упоминаніе о томъ, что монархъ обеспечиваетъ исполненіе конституціи со стороны наследника и всего потомства. Функции монарха опредѣлены въ такой формѣ: монархъ осуществляетъ законодательную власть, совместно съ Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Проектъ закона, отвергнутый Думой или Совѣтомъ, не можетъ быть снова внесенъ на обсужденіе въ ту же сессию. Понятіе указа по управленію сохраняется, но первый департаментъ Сената получаетъ право отмѣнять тѣ указы, которые противорѣчили бы конституціи или закону. Въ случаѣ распушенія Государственной Думы до срока, въ томъ самомъ указѣ, которымъ Дума распускается, долженъ быть опредѣленъ срокъ выборовъ и начало новой сессіи. При этомъ выборы должны происходить не позже четырехъ мѣсяцевъ со дня указа и начало сессіи не позже шести мѣсяцевъ. Основные права гражданъ опредѣлены соответственно западнымъ конституціямъ. Всѣ граждане объявлены равными предъ закономъ; гарантія личной неприкосновенности опредѣлена въ формѣ права требовать, чтобы каждое дѣло объ арестѣ было представлено на разсмотрѣніе судьи до истеченія сутокъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 18 января. На засѣданіи профессорскаго съѣзда 16 января приняты слѣдующія положенія: 1) ректоръ избирается совѣтомъ изъ профессоровъ и членовъ совѣта и утверждается въ семъ званіи Высочайшимъ указомъ; 2) профессора избираются и представляются на утвержденіе министра просвѣщенія; 3) при открытіи вакансіи профессора соответствующій факультетъ опредѣляетъ, производить-ли замѣщеніе въ порядкѣ рекомендаціи факультета, или въ порядкѣ конкурса; 4) дѣленіе между профессорами заключается только въ размѣрѣ окладовъ, которыхъ устанавливается два.

ПЕТЕРБУРГЪ, 18 янв. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ перепечатана телеграфная замѣтка въ „Русск. Вѣд.“ изъ Харькова о томъ, будто бы Святѣйшій Синодъ воспретилъ служеніе священникамъ, высказавшимся вполне противъ смертной казни. Такого синодальнаго распоряженія вовсе не было; мѣстными-же епархіальными преосвященными были запрещены въ недавнее время

въ священнослуженіи нѣкоторые священники по причинамъ, ничего не имѣющимъ общаго со взглядами ихъ на смертную казнь, высказанными въ повременной печати.

КАЗАНЬ, 18 янв. Корпорация духовной семинаріи вырабатываетъ проектъ реформъ семинарій. Большинство преподавателей высказалось за полное отдѣленіе профессиональной пастырской задачи духовной школы отъ общеобразовательной. Предполагается создать трехклассную пастырскую школу богословскихъ курсовъ, съ четвертымъ, przygotowatelnымъ, и восьмилетнее общеобразовательное заведеніе духовнаго вѣдомства съ свободнымъ выходомъ по окончаніи курса въ любое высшее учебное заведеніе.

КОПЕНГАГЕНЪ, 18 янв. Въ полдень съ балкона королевскаго дворца министръ-президентъ торжественно провозгласилъ восшествіе на престолъ короля Фридриха восьмого, послѣ чего новый король, вышедшій на балконъ, обратился съ рѣчью къ народу и былъ привѣтствованъ громкимъ „ура“.

КОПЕНГАГЕНЪ, 18 янв. Въ день кончины короля была двухчасовая аудіенція, утомившая его. Послѣ пріема король завтракалъ вмѣстѣ съ Государыней Императрицей Маріей Теодоровной и принцемъ Гансомъ. Вскорѣ послѣ завтрака король почувствовалъ легкій жаръ. Явился лейбъ-хирургъ Лемаръ, который, замѣтивъ утомленіе, посоветовалъ лечь въ постель. Король въ два часа тридцать минутъ отправился въ свои апартаменты. Въ три часа Государыня Императрица Марія Теодоровна, пребывавшая въ соседнемъ покоѣ близъ августѣйшаго родителя, услышала два глубокихъ вздоха и вскрикнула въ комнату его величества. На вопросъ о самочувствіи король отвѣчалъ не ясно и пожалъ руку Ея Величества. Вошедшій лейбъ-хирургъ обнаружилъ у короля разрывъ сердца и произвелъ впрыскиваніе камфоры. Извѣщенный объ опасности, наследный принцъ прибылъ во дворецъ съ семьей. Когда его высочество вошелъ въ спальню умирающаго родителя, король тихо и безболѣзненно почилъ въ три часа десять минутъ пополудни.

ПЕТЕРБУРГЪ, 19 января. „Слово“ заявляетъ, что по компетентнымъ свидѣніямъ, исходящимъ изъ Царскаго Села, надлежъ всѣ вопросы относительно проведенія въ жизнь реформъ въ духѣ манифеста 17-го октября не только будутъ окончательно рѣшены, но и ясно будутъ опредѣлены границы отдѣльныхъ указаній, которыя подлежатъ опубликованію безъ замедленія.

ОПЕЧАТКА. Въ № 2 Нижегород. Церк.-Общ. Вѣстника, въ отдѣлѣ „Хроника церковной жизни“ II, на стр. 43 и 44, авторъ труда „Древне-русскій приходъ“ названъ А. А. Панковъ; слѣдуетъ читать: А. А. Панкова.

Вр. исполн. об. Редактора Н. Боголюбовъ.